

ВАДИМ ГРИНЁВ

МГБ

18+

Вадим Гринёв

МГБ

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Гринёв В.

МГБ / В. Гринёв — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Офицеры Абверкоманды явились на Лубянку. Им было предложено выехать с заданием в города Западной Украины. Там они три года подряд рисковали своими жизнями, работая в местных органах госбезопасности.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Просвещенная Франция гордится своей историей развития демократии в стране. Взятие Бастилии и свержение королевской власти во Франции, последующая революция с установлением в государстве гражданских свобод, – эти события сконцентрировались в национальном празднике французов, – в «Дне взятия Бастилии». Однако, гражданская война после взятия Бастилии во Франции не прекратилась. Она продолжалась между сторонниками и противниками революционного движения. Особенно остро враждовали французы между собой в западной провинции Бретани, где крестьянские восстания следовали одно за другим и отличались жестоким кровопролитием. Экономическая отсталость этой провинции стала причиной сепаратистских и эмиграционных (в Канаду) настроений. Великая Французская революция в Вандее превратилась в контрреволюцию стараниями роялистов. Молодой Бонапарт, выходец из провинциальной Корсики с воодушевлением присоединился к революционному движению. Придя вскоре к власти молодой диктатор заложил основы современной Франции.

Иосиф Сталин, выходец из провинциальной Грузии, входящей в состав Российской империи, став полновластным диктатором в процессе Великой Октябрьской революции, на шестой части земной суши создал государство, более влиятельное на ход мирового развития, чем Наполеоновская Франция. Сталину пришлось с трудом усмирить контрреволюционное крестьянское движение Нестора Махно. Не удалось до конца вовлечь украинский народ в построение социализма. На Западной Украине политика Сталина в коллективизации и советизации хозяйственной жизни потерпела провал из-за бескультурья и непрофессионализма большей части сотоводников спецслужб. Когда не хватает логических доводов, когда нет политической и религиозной культуры у наместников и не достает продовольствия в стране, основным доводом в политической борьбе становится жестокость и убийство оппонентов. Это вызывает у поколений людей цепную реакцию мести.

Галиция для Советского Союза после 1945 года стала такой же гнойной раной, что Бретань и Вандея были для Франции в 1800-х. В последующих послевоенных десятилетиях ООН, зародившаяся в Галиции, с помощью иностранных спецслужб добилась своей окончательной цели – отдалила и отделила Украину от России.

Менталитет юго-восточных украинцев в подавляющей части за период построения бесклассового общества стал сугубо советским, с коллективным, общегосударственным гражданским мышлением. На Западной Украине в силу разных исторических и политических причин менталитет населения оставался частно – собственническим, замкнутым на семейное одиозное домохозяйство. Разная система ценностей бытия и стала причиной распада великого государства.

Небольшой отряд советских разведчиков, действующий во Львове в период немецкой оккупации города, всеми силами и способностями своего еомандира, его заместителя и всех его солдат совершили немало акций против врагов, приближая день Победы в Отечественной войне. Не все удалось сделать. Но, то что было сделано заслуживает народной памяти.

Команда разведчиков «квалифицированно» готовила диверсантов для заброски в СССР. Командир этой команды Александр Шепеленко имел возможность самостоятельно принимать решения. Однако, после Сталинградской битвы действия команды все чаще контролировал абверовец Альфред Бизанц, занимавший должность советника в администрации Отто Вехтера – губернатора «Дистрикт Галиция». Когда немцы поняли, что проиграли войну, Бизанц всё чаще и настойчивее стал готовить командира к выполнению секретной операции по использованию биологического оружия против советской армии. Команда должна была обучить агентов заброске контейнеров с живыми вшами, – распространителями тифа, в прифронтовых районах СССР. К этой акции команда не успела «подготовиться», так как пришлось быстро уходить из Львова летом 1944 года. Центр рекомендовал нашим разведчикам передислоциро-

ваться в Краков, где надо было найти и уничтожить штаб-квартиру ОУН. Поиски бандеровского подполья оказались безуспешными, задание команда не выполнила. Из района Силезии командир радировал в Москву о том, что члены команды истощены и физически и психически. Команде сложно было «сдаться» советским армейским подразделениям. Немецкие войска отчаянно сопротивлялись на советско – германском фронте. Шли жестокие бои, и командиру долгое время удавалось избегать стычек, как с немецкими, так и с советскими подразделениями.

Команда вынуждена была несколько недель вести полуголодное существование, пока не попала в расположение одной из частей Красной Армии. Вместе с машинами команду погрузили на железнодорожный состав, и отправили в Москву. Командир части выделил свою охрану, сопровождавшую команду до самой Москвы, так как большинство членов команды было обессилено. Вернувшись домой разведчикам казалась, что война для них окончена. Основного врага – немцев изгнали с территории Союза. Но остался внутренний враг. Во Львовской, Станиславской, Тернопольской и других областях Западной Украины свирепствовали многочисленные бандеровские банды. Их деятельность приобрела размах подпольного вооруженного сопротивления. В ряде населенных пунктов они оказывали упорное сопротивление нашим внутренним и регулярным войскам. Там недоставало специалистов, хорошо знающих этот край, нужны были опытные оперативники. Бандеровцев активно поддерживало местное население. В этом состояла еще одна трудность будущей работы чекистов.

«Мы возлагаем большую надежду на ваш бесценный опыт», – сказал генерал – контрразведчик, построившимся офицерам и вручил им предписания.

«Помните, товарищи офицеры, – добавил он, – что вы не просто военные специалисты. Вы, прежде всего, чекисты – дзержинцы. С гордостью носите это звание и беззаветно служите своей социалистической Родине и советской власти. Я надеюсь, вы ещё раз оправдаете доверие товарища Сталина».

Керчь, март 2020 год. В. Гринев

НОВЫЙ 1944 .

Заканчивался боевой 1943-ий. В конце ноября – начале декабря в Иранской столице Тегеране проходила конференция глав союзных правительств Великобритании, СССР и США. Перед началом конференции Сталин выступил с заявлением о том, что СССР вступит в войну с Японией только после капитуляции Германии. Рузвельт, преследуя интересы своей страны, добивался от Сталина обещания начать войну с Японией сразу после конференции. Сталин, преследуя интересы своей страны, теряющей в кровопролитных сражениях солдатами сотнями тысяч, требовал от союзников скорейшего открытия второго фронта в Европе. Войскам США приходилось самостоятельно отбиваться от мобильных ВВС и ВМС Японии. Ожесточенная битва шла за каждый клочок земли Тихоокеанских островов. Затронута была и континентальная Австралия. Черчилль молча наблюдал за торговлей между Рузвельтом и Сталиным. К 1944-му авиация и флот Великобритании успешно отражал германские атаки. Геройски сражались за Великобританию польские летчики. Но вместе Рузвельт и Черчилль хотели выторговать у Сталина больше, чем он мог дать. Им не жалко было русских солдат, напротив, – чем больше их перебьет Гитлер, тем легче будет договориться со Сталиным о послевоенном переустройстве Европы и мира в целом. Япония много потеряла в той войне. Сталину удалось выторговать у Рузвельта уже на Ялтинской конференции февраля 1945-го о возвращении России южного Сахалина и островов Курильской гряды. Японии же предстояло подвергнуться атомной бомбардировке со стороны США через три дня после Потсдамской конференции (июль – август 1945-го), на которой Трумэн пытался запугать Сталина атомным оружием. Итоги этих

трех конференций были ошеломляющими для послевоенных поколений европейцев, японцев и китайцев, да и жителей всех других континентов.

Перед Новым годом Бизанц позвонил мне и потребовал, чтобы мы с Тиссенем непременно прибыли в клуб.

– Сегодня вечером встреча Нового Года! Танцы вокруг елки! Это у нас традиция с 1942 года. Не пренебрегайте, гауптман, традициями!

Мы с Тиссенем привели в порядок парадную форму, захватили три бутылки Бургундского и отправились в клуб. В центре зала, на втором этаже, стояла высокая зеленая елка, украшенная блестящими игрушками, гирляндами и традиционными гофрированными немецкими фонариками, в середине которых горели тонкие свечки.

Эльза, увидев нас входящими вместе с Бизанцем, громко и с праздничным торжественным видом хозяйки, встречающей дорогих гостей, произнесла:

– Наконец-то! Слава Богу! Мы тут заждались вас!

Тиссена захватили, нарядно одетые, его знакомые по пикнику молодые женщины. Эльза взяла мою правую руку левой рукой, другой она подхватила Бизанца, и вся компания, собранная в цепочку, мелкими шажками закружилась вокруг елки. Женщины начали напевать народную немецкую поздравительную новогоднюю песенку. Бизанц им подпевал своим густым баритоном. Я посмотрел на своего друга и с удивлением заметил, что он тоже подпевает и, что удивило меня еще сильнее, – он знал слова этой песенки. Хотя, и удивляться не стоило, – Йоган общался с поволжскими немцами. Я поискал глазами мужа Эльзы. Его не оказалось в зале. Эльза сказала, что его вызвали в Берлин. Странно, что под Новый год. Что за дела? Этого я не стал спрашивать у Эльзы, но видно, она научилась читать мои мысли. Как только мы сели за столик, она начала разговор с воспоминаний.

– Прошлый раз, Вильгельм, когда вы привозили врача, он ничего серьезного не обнаружил в легких Генриха. Однако, он так и не вылечился. Жаловался на утомляемость и часто потел. Мы обратились к губернатору за помощью, и он порекомендовал хорошего врача, который обнаружил воспаление легких. Этот врач посоветовал обратиться к своему знакомому специалисту в Берлине. Я хотела поехать с Генрихом, но он мне не разрешил, так как нужно было остаться и помогать его заместителю. У нас здесь сейчас сплошные аресты. Обнаглели поляки, да и красные стали больше забрасывать своих агентов. Появились и англичане.

– А, им то, какой интерес в Лемберге?

– Вы, Вильгельм, со своими лагерниками позабыли о мировой политике. Англичане, эти гадкие островные кролики, считают себя хозяевами мира. Они здесь ищут контакты с украинцами, чтобы после большой войны папаше Иосифу досаждать. Впрочем, что это я о политике! Скажите как вы себя чувствуете? Этот негодник Альфред долго скрывал от меня, что вы попали в больницу!

– Сердечно благодарю вас, фрау Эльза, за беспокойство. Меня подлечили.

– Ой, Вильгельм, только без этого «фрау»! Я так переживала за вас! Слава Богу, что вы остались живы! Молодец полковник, что взял вас с собой в этот, как его, – Баск?

– Буск! Милая Эльза! Да, я должен быть благодарен полковнику. Он спас меня от верной смерти!

– Полковник так тепло рассказывал о вашем мужественном спокойствии в той сложной ситуации, что я вас, Вильгельм, еще больше заужала. Альфред сказал, что вы оба родились в рубашке.

– Да, милая Эльза, пока бог милостив к нам. Полковник выразил мне соболезнование по поводу гибели моих сослуживцев.

Случилось так, что легкий на помин полковник Альфред Бизанц оказался недалеко от столика, за которым мы уединились с Эльзой. Я видел его боковым зрением, оказавшимся

возле елки в обществе тучного с такими же большими залысинами, как у Бизанца, майором гестапо. Майор дружески поддерживал левую руку полковника и с горячностью говорил.

– Господин полковник! При всем моем уважении к вашей компетенции, я не могу принять то, о чем вы рассказываете за трагический случай. Это не может быть случайностью! Случай сам по себе не приходит, его подсовывают! Здесь многое не ясно...

Я стал прислушиваться к разговору, но к Бизанцу подошла Марта и увела его с собой. Она сама была майором, хотя и в праздничном платье, и сделала резкое внушение майору гестапо:

– Господин майор! Вам, что рабочего времени не хватает? Повышайте квалификацию! Сейчас у нас праздник! Как никак – Новый год!

Замечание, высказанное гестаповцем Бизанцу, я принял на свой счет. У кого-то праздничное настроение, а у меня неожиданный новогодний сюрприз – гестаповский майор. Бдительность, выдержка, осторожность – вот мои советчики. И я стал следить за каждым перемещением гестаповца. Мои опасения были не безосновательны. Предчувствие не обманывало. После нескольких танцев под елкой в одном отдаленном уголке праздничного зала я снова увидел Бизанца и гестаповца вместе. Эльза мне заметила, что я какой-то рассеянный, сделав предположение, что это у меня после сердечного приступа. Она сидела, положив свою ладошку на мою руку, покоившуюся на столе. Моя грустная «рассеянность» передалась ей, и она замолчала. Я начал ей рассказывать забавные новогодние истории, случившиеся со мной и моими друзьями в школьные годы.

Сначала, с минуту, Бизанц и майор гестапо мирно беседовали и даже улыбались друг другу. Потом, вдруг майор стал перед полковником на вытяжку. Его толстый выпирающий живот напомнил мне одну карикатуру на политических деятелей, где у человечка на тонких ножках был точно такой же живот. Лицо гестаповца налилось кровью и приобрело грязно – бурачный цвет. Бизанц, тоже весь покраснев, что-то резко и запальчиво говорил майору, угрожающе трясая перед его лицом указательным пальцем. Потом лицо Бизанца побледнело, он еще что-то сказал майору и резко зашагал к Марте, тоже наблюдавшей эту сцену. Я старался отвлечь внимание Эльзы своими разговорами и обрадовался, когда Бизанц вернулся к Марте. И все же позднее Эльза уловила на себе недобрый взгляд гестаповского майора.

– Ужасно неприятный тип, – сказала Эльза, обратив мой взгляд на майора. Лезет во все дела. Новый заместитель Генриха не переносит его. После отъезда Генриха в Берлин, мне приходится на работе их разнимать.

– Просто новый зам еще не успел изучить все дела, а этот ваш майор, наверное, себя метил в замы. Вот и конфликты. Классические конфликты.

– Но майор опытный работник, а этого новенького только что прислал Берлин. Он совершенно не разбирается в обстановке. Не понимает природы конфликтов между поляками и украинцами. А тут еще красное подполье активизировалось. Если бы не наши украинские агенты, в Лемберге были бы каждый день теракты! Да ну их! Мне в квартире сейчас одной жутковато, Вильгельм.

– А домработница?

– Она по моей просьбе ночует у нас дома. Но сегодня отпросилась еще с утра. Мы могли бы побыть вместе.

– Эльза! Милая Эльза! Я бы не хотел нарушать принципы мужской чести. Одно дело, когда случай способствует отсутствию мужа, а другое дело, когда муж болен! Я бы чувствовал себя подлецом!

– Но, сегодня тот самый случай, о котором ты говоришь!

– Это далеко не то же самое, Эльза! И я еще плохо себя чувствую, сердце пошаливает. Людей в команде поубавилось, а новых на замену взять неоткуда! А как настроена твоя домработница? Ты говорила – она полячка?

– Да, полячка. Ей под пятьдесят. Политика ее мало интересует, у нее большая семья. За мою щедрую зарплату она кормит пять ртов. Она не националистка, но ревностная католичка. Презирает православных.

Новогодний вечер закончился. Бизанц был пьян и грубо ссорился с майором гестапо. Нам с Эльзой приходилось их разводить. Марта тоже была пьяна.

После возвращения в команду Тиссен сказал, что на вечере он видел не только контакты полковника с майором, но и мою реакцию. Он заверил меня в том, что Эльза в начале их ссоры не видела этих контактов. Мы с Тиссеном пришли к выводу, что гестаповцу было достаточно тех двух чувствительных ударов в Рава-Русской и в Сасове, в результате которых вермахт понес серьезные потери, чтобы выйти на наш след. Ему нетрудно было просто сопоставить время происшедших событий с временем наших контактов с полковником. Получалось, что нас с Тиссеном следовало бы допросить, чего, наверняка, добивался гестаповец от Бизанца. Полковнику, даже если он понимал, что майор гестапо не только имеет основания, но и обладает несомненным правом допроса подозреваемых, это было и не нужно и не выгодно. Как хорошо, что генерал Мюллер находился в это время в Берлине на излечении! Будь он в Лемберге, Бизанцу вряд ли удалось предотвратить такой допрос. Мы с Тиссеном делали накачку о бдительности и осторожности своим подчиненным, а тут оказывается мы – командиры первыми попали в поле зрения гестаповских офицеров. Не слишком ли мы обнаглели? Возможно расслабились? Стали ошибаться? Мы вспомнили с Йоганом и полковника Рокито, благодаря которому мы получили путевку в Лемберг. Абверовские полковники Рокито и Бизанц были нашими добрыми «ангелами».

ГАУПТМАН КУЗНЕЦОВ В ЛЕМБЕРГЕ

Фронт неудержимо приближался к Галиции. Не помогли немцам оборонительные сооружения Днепровского вала. Советская армия успешно форсировала Днепр, и в январе 1944-го были освобождены города правобережья: Новоград – Волынский, Белая Церковь, Бердичев, Кировоград и другие. А к концу января освободили старинный Новгород и прорвали блокадное кольцо вокруг многострадального Ленинграда. Приближение фронта ко Львову становилось все ощутимее. Немцы стали эвакуировать на запад некоторые учреждения, промышленные объекты и продовольственные склады.

В Бродовских лесах активизировались крупные партизанские армии Ковпака, Медведева, Наумова и небольшие отряды львовских партизан из «Народной Гвардии им. Ивана Франко» под командованием Куриловича, прошедшего, как и я, через Испанскую войну. Я впервые услышал о деятельности этой организации в Лемберге от Эльзы еще в ноябре 1943-го. Тогда гестапо арестовало какую-то женщину, но она никого не выдала. Худшее произошло позже, в апреле 1944-го. Оуновский провокатор Львович, пробравшийся под легендой московского эmissара в отряд Куриловича, сдал свыше тридцати человек. Их по приговору гестапо публично расстреляли. Среди казненных были украинцы, русские и поляки, – патриоты Советской Украины. Украинский Центральный Комитет ставил себе в заслугу поимку этих агентов – коммунистов. Тогда в 1943-1945гг П. А. Судоплатов, хотя и знал уже с осени 1939-го, о профессионализме разведки ОУН, не мог предположить, что с ней предстоит упорная борьба на долгие годы. Еще в конце апреля 1943-го УЦК, возглавляемый Кубиевичем, получил полные инструкции от губернатора Вехтера. В этих инструкциях рекомендовалось создать в каждом уезде комитеты по вербовке рекрутов в галицийскую украинскую дивизию. Под руководством Бизанца и Кубиевича украинская войсковая управа назначила глав уездных комитетов. В середине мая на площади возле греко – католического собора святого Юрия состоялся митинг – молебен, проведенный митрополитом А. Шептицким, по случаю формирования первой украинской дивизии в составе вермахта. Тогда высшие военные чиновники Лемберга, Вехтер и его тезка вице-губернатор Отто Бауэр, Бизанц и другие немцы вместе с Кубиевичем и его замести-

телем Панкивским в самой церкви Св. Юра были освящены Шептицким. При этом митрополит сказал, что «...нет такой цены, которой нельзя заплатить за создание украинской армии...».

Той весной после официальных торжеств, как вспоминают львовяне, на улицах города из репродукторов громко лаял Геббельс, призывая вермахт и немецкий народ к спокойствию и выдержке. Он убеждал терпящую одно за другим поражением немецкую армию в том, что Гитлер вот вот снабдит ее новым секретным видом оружия, перед которым не устоит ни одна армия мира. Геббельса сменял Кубиевич, который убеждал галичан в том, что только в единении с Великой Германией украинский народ обретет независимость и благополучие. В отличие от радикала Бандеры и его боевиков, Кубиевич с Панкивским и многими западными украинцами бывшими офицерами австрийской армии, принадлежали к умеренному крылу ОУН. Эти умеренные, находившие поддержку во фракции полковника Мельника ОУН(М), понимали, что политическая спешка пассионариев Бандеры, которые объявили с приходом немцев во Львов Украину «самостийной», заведет в тупик. Они заверяли немецкую администрацию во Львове, что осуждают действия сторонников Бандеры, но не порывали с ними связи. После ареста Бандеры, они способствовали переводу главного штаба ОУН(Б) в польский Краков, где их меньше знали и, где можно было укрыться от цепких лап гестапо.

Бизанц как-то проговорился, что еще до прибытия нашей команды в Лемберг, летом 1943-го ему вместе с УЦК пришлось создавать учебные школы для подготовки будущих молодых командиров украинских батальонов. В этих школах, организованных в крупных галицких городах, преподавали немецкие офицеры – фронтовики. Выпускники этих школ продолжили обучение в германских лагерях. Уже в декабре 1943-го был создан штаб добровольческой галицкой дивизии, которая предполагалась использоваться для полицейских акций в рамках войск СС. Большую угрозу для тыловой «стабильности» немцев на Западной Украине в 1944-ом представляли партизанские отряды С. А. Ковпака, Д. Н. Медведева, М. И. Наумова. Обладавший кроме полководческого таланта и незаурядным дипломатическим, Ковпак заключил временное перемирие с УПА и польской Армией Краевой. Это ему позволило усилить удары по немецким гарнизонам. Немцы вынуждены были для нейтрализации Ковпака выделить из галицкой дивизии пехотный полк, оснащенный противотанковым подразделением. В январе 1944-го Дмитрий Николаевич Медведев, автор бестселлера «Сильные духом», лично участвовал в первом бою с подразделением СС Галичина в районе села Нивицы, возле Бродов, в 60км от Львова. Это стало известно, после того, как Лукин, начальник штаба, предъявил Медведеву документы, изъятые из тридцати убитых в этом бою, обмундированных в немецкую форму.

В феврале 1944-го в Лемберге выпало много снега. Тиссен прочитал в «Газете Львовской», издаваемой немцами на украинском языке, об убийстве сразу двоих высокопоставленных чиновников немецкой администрации. Были убиты вице-губернатор Отто Бауэр и начальник канцелярии губернатора Генрих Шнайдер. Я позвонил Бизанцу и полюбопытствовал относительно обстоятельств убийств. Бизанц сказал, что убийцей является террорист – одиночка, переодетый в форму гауптмана.

– Теперь все гауптманы под подозрением! Рекомендую вам, господин гауптман, с неделю не выезжать за город! – сказал Бизанц, – и я не понял иронизировал он или ограждал меня и себя от неприятностей.

Тогда я не мог знать ни Д. М. Медведева, ни Н. И. Кузнецова. Однако, Кузнецова я наблюдал в ту зиму при странных обстоятельствах. Мне необходимо было по рекомендации Бизанца побывать в штабе 18-й немецкой воздушной армии и договориться о предоставлении самолета для переброски своих «диверсантов». Этот штаб располагался в центре города, на улице Валовой, и об этом я сообщал в Центр. В конце января после очередного сеанса связи Центр попросил побывать до обеденного времени в штабе и выследить высокого худощавого гауптмана. Светловолосого с серыми глазами и еще с другими подробными чертами. Я спросил – идти ли мне на контакт? – Ни в коем случае! Просто убедитесь был ли он в это время в указанном

месте. Поразмыслив вместе с Тиссенем, мы пришли к выводу, что и этот гауптман-инкогнито, наверняка, тоже получил мои приметы.

В помещениях штаба было многолюдно. В основном присутствовали офицеры в летной форме. Было много интендантов и танкистов. Было накурено. Я прождал минут десять, в коридоре возле приемной. Своего гауптмана я увидел, входящим еще с лестничной площадки. Высок, в длинной шинели, глубоко надвинута фуражка, уверенная поступь. Он приоткрыл дверь приемной, заглянул внутрь, но не вошел и прикрыл дверь. Он прошелся по коридору, читая названия кабинетов, и вышел на лестницу. Я успел разглядеть под козырьком фуражки его серые, глубоко посаженные глаза. Думаю, и он успел «сфотографировать» меня в расстегнутой шинели с папкой в руке. Я на всякий случай остановил шедшего по коридору офицера штаба и спросил, – где находится туалет. Побывав в туалете, я вышел. Тиссену я рассказал о состоявшемся контакте. Мы не стали гадать, для чего Центру это было необходимо. Вероятно, что-то готовилось, ведь фронт приближался. В конечном счете – время покажет. И вот Тиссен, читая эту львовскую газету, спросил:

– Теперь ты понял, кем был этот, твой гауптман?

– Думаю, ему сообщили расположение нашей команды, чтобы в крайнем случае он воспользовался нашей помощью. Но он нашел свой выход.

Бизанц позвонил и сообщил, что похоронная церемония начнется от здания губернаторства, где он хотел бы встретиться со мной. Снежная метель ухудшала видимость, и мой водитель долго искал место парковки среди многочисленных легковушек в районе площади перед губернаторством. Я долго выискивал мерседес Бизанца, возле которого он назначил встречу. Сидя в его машине, мы договорились обо всех условиях очередной переброски партии диверсантов. Бизанц все чаще прибегал к совместной переброске. На этот раз его люди подготовили целый десяток агентов. Моих было подготовлено только пятеро. Из окна автомобиля мы с Бизанцем видели, как с улицы Подвальной поднялась на площадь рота солдат в касках и в шинелях без знаков различия. Я полюбопытствовал:

– Какие-то новобранцы прибыли для оцепления?

– Вы угадали, это действительно новобранцы, – ответил Бизанц, – их недавно рекрутировали из местных в Галицкую дивизию.

– А почему у них петлицы на шинелях не пришиты?

– Эти еще должны пройти обучение в германских лагерях.

– Они добровольно вступили в нашу армию?

– Весь набор, гауптман, произведен исключительно на добровольной основе. Правда, церковь нам помогла. А вон и священники, как раз подошли. Идемте, Вильгельм, послушаем речь губернатора. Это было покушение на его жизнь, а убили заместителей. Плохо работает гестапо, большевики обнаглели!

«И ваша контрразведка не лучше сработала, господин полковник», – подумал я.

Мы вышли из машины и подошли к трибуне. Я Бизанцу сказал, что на кладбище не поеду. Бизанц не стал уговаривать. – Ну, а мне надо обязательно быть, я дружил с Бауэром. Кстати, он бывал в нашем клубе, но очень редко. Губернатор Вехтер, снял фуражку и начал речь:

– Пал жертвой большевистского злодейства наш соратник и испытанный товарищ, доктор Отто Бауэр! Вместе с ним погиб и наш заслуженный и исполнительный начальник губернской канцелярии доктор Генрих Шнайдер! Нет слов, чтобы выразить нашу скорбь... Большевики метили в самое сердце нашего губернаторства! Наши павшие товарищи отдали свои жизни за фюрера и Великую Германию! Светлая им память! Мы отомстим за них нашим врагам!

После Вехтера выступил еще один генерал. Я думал, что выступит и Бизанц. Он не стал выступать, и когда священники начали свой поминальный молебен, я уехал в команду.

13-го февраля 1944-го, сразу после похорон вице-губернатора дистрикта, над Лембергом на большой высоте появился советский разведывательный самолет. Это было после захода

солнца. Снежная метель поубавилась благодаря ветру, который разносил по городу листовки. Листовки призывали население не посылать своих мужей и сынов в немецкую армию, для защиты чуждых украинцам интересов. Людей призывали к всемерному сохранению исторических ценностей украинской Галиции, к бойкоту отправки молодежи в Германию. Предлагалось не выполнять указания немецких властей по демонтажу и разрушению промышленных объектов и малых предприятий.

23-го февраля советская авиация в два часа ночи нанесла по военным объектам Лемберга ощутимые удары. Бомбы были сброшены на станционные пути главного вокзала и на Скниловский аэродром, с которого наша команда не раз отправляла «диверсантов». Было уничтожено 12 цистерн с горючим, 45 вагонов с людьми и боеприпасами, 28 платформ с техникой. На аэродроме были повреждены до десятка самолетов. Железнодорожный узел не работал целые сутки. Все, что я слышал от Бизанца об этих и других потерях, произошло благодаря нашим «диверсантам», возглавляемым офицером из нашей же команды. Он смог добраться в наши войска и передать оперативную информацию о строительстве оборонительных сооружений, о движении воинских эшелонов, о подземном скрытом аэродроме в Радзивиллове и о размещении временных взлетно-посадочных площадок.

НЕМЦЫ УХОДЯТ ИЗ ЛЬВОВА

Жизнь в Лемберге перестала быть комфортной и тихой. Трудовые лагеря немцы стали готовить к эвакуации. В лагерях военнопленных усилились репрессии к заключенным. В Яновском лагере, например, по указанию коменданта лагеря организовали специальные камеры для провинившихся. В эти камеры вместе с заключенными помещали дрессированных собак. При малейшей попытке заключенного сменить позу или только пошевелиться, бешенные псы набрасывались на незащитного человека и рвали кусками его мясо. Это была зверская казнь, подобная казни первых христиан в древнем Риме. Римские патриции натравливали на людей львов и тигров. В лагере производилась уборка костедробильных устройств, которые измельчали кости сожженных трупов. За время оккупации Львова в этом лагере сожгли около двадцати тысяч заключенных в основном с территорий Советского Союза. Подручные Гимmlера заматали следы своих преступлений, чувствуя неминуемую расплату. Нам с Тиссенем все неприятнее и тяжелее становилось бывать в этом лагере. К тому же труднее приходилось вырывать из кровавых лап коменданта нужных нам людей. Ведь мы не имели права рисковать солдатами нашей команды.

Клуб на улице Мицкевича посещали все те же завсегдатаи. По-прежнему играл джаз-оркестр из великолепных в основном польских и частично немецких музыкантов. Однако, вид как у военных посетителей так и у гражданских становился все более унылым. Эти люди были молчаливы и малоразговорчивы. Слабо улыбались.

Мы с Тиссенем застали Бизанца за своим столиком в компании майора СС и одного штатского, которого ранее мы не видели. Все трое, нагнув головы к центру стола, близко друг к другу, о чем-то тихо беседовали. Бизанц на наше приветствие даже не улыбнулся, и тихо поприветствовав в ответ, жестом руки показал на свободные стулья за столом. Я поискал Эльзу, скосив глаза на ее обычное место. Она сидела с раскрытой книгой в компании адъютанта генерала и двух незнакомых полковников СС. Оркестр приглушенно играл свой отработанный репертуар, но на танцплощадке никого не было. Наши взгляды встретились, и Эльза пригласила меня, показав на стоявший рядом стул. Я справился у Бизанца о здоровье, и оставив Тиссена, не спеша пошел к Эльзе. Я приветствовал офицеров традиционным поднятием руки. Потом поздоровался с адъютантом за руку и пожал протянутые руки полковников. Я извинился перед ними, что не смогу поддержать мужской разговор, так как пришел уделить внимание даме. Один из полковников спросил, – не помешают ли они нашей беседе. Эльза успокоила их, сказав

чтобы они «не обращали на нас внимания». Настроение Эльзы было минорным, откровенно унылым, и она обратилась ко мне с претензией.

– Вы, Вильгельм, жестокий человек! Разве вы со дня нашей последней встречи две недели назад не чувствовали, что вас ждут в клубе! Я сейчас так одинока! Генриха постоянно вызывают в Берлин!

– Фрау, Эльза! Вы же знаете, какие настали времена! Штаб от нас требует и требует увеличить подготовку агентов. А где их сейчас взять? Когда неудача, за неудачей на фронтах!

– Я знаю об этом лучше вас, господин гауптман! Но это вас не извиняет! Могли бы и позвонить!

– И все же уважаемая, фрау Эльза, прошу меня покорнейше извинить. Я вот он здесь и весь ваш! И мы этот вечер проведем вместе!

– Хорошо, Вильгельм! На этот раз я вас извиняю! – сказала Эльза, откладывая книгу. – Давайте походим. Танцевать мне не хочется, но чувствую – засиделась.

Мы несколько раз прошлись по залу, тихо беседуя. Эльза жаловалась на жизнь. Переживала за мужа.

– Генрих сам не свой! Нашего друга дома полковника Карла Губерта сняли с должности и лишили звания. Мало того, его под охраной отправили в Берлин! Вместо него прислали вот этих двоих, что за нашим столом. Генрих сильно переживает! Карл был хорошим другом, они вместе проработали не один год!

– Это тот, что на пикнике в Янове был рядом с нами?

– Ну да – тот самый! Генрих не доверяет этим двоим, говорит – неопытны и плохо разбираются в местных условиях.

– Чем же провинился ваш Карл, что так жестоко с ним обошлись?

– Вы помните, как осенью, кажется в Рава – Русской, партизаны уничтожили полицейское управление и какой-то военный объект, важный для Берлина? Тогда они расстреляли много сотрудников СД и перебили всю охрану объекта. Комиссия пришла к выводу, что Карл не предусмотрел надлежащую охрану.

– Насколько я помню наш друг Альфред Бизанц рассказывал, что тогда партизаны еще освободили из местной тюрьмы много арестованных и разгромили какие-то склады. Комиссия не затронула Генриха?

– В акте, который я читала, отмечалась и слабая охрана тюрьмы. Достают и ведомство Генриха, он из Берлина возвращается злой и раздраженный. А, что они там на периферии могли предусмотреть, ведь партизан было чуть ли не 300 человек?! Эти поляки очень мстительны!

– Вам, дорогая Эльза, незачем переживать. Ведь Генрих ни в чем не виноват! Эти партизаны воюют без правил. вспомните, как во время пикника их разведчики появились ниоткуда! Здесь в Галиции сплошные леса, из которых нам не удастся их выкурить! Да, что леса? Вон в Лемберге, что творится? Среди бела дня они убили наших администраторов, приближенных к самому губернатору!

– Но об этой обстановке невозможно ничего объяснить в Берлине! Генрих говорит, что в верхах полный разлад! Сплошные неудачи, как на фронтах, так и в тылу! Они там все переругались, обвиняя друг друга в неудачах. Генриху приказано к концу апреля подготовить и провести какое-то чрезвычайное совещание со всем руководящим персоналом.

– А наш штаб, по-видимому, тоже лихорадит. С тех пор, как наш шеф адмирал Канарис отправился в отпуск, его заместители решили выслужиться перед фюрером. Идут из фронтовых штабов циркуляры один за другим. И все требуют усилить диверсионную работу в тылах большевиков. Требуют взорвать Харьковский тракторный завод, выпускающий танки. Эльза, вы только посмотрите на карту! Где Лемберг, а где Харьков? И самолеты наши стали чаще сбивать эти русские! До Харькова теперь невозможно долететь!

– Не говорите, Вильгельм! Это, наверное, конец нашей власти на Украине, раз началась такая неразбериха и паника! Берлин предложил эвакуировать из Лемберга всех немецких граждан! Все предприятия! Те, которые невозможно переправить, требуют взорвать. Хотят взорвать городскую электростанцию, управление губернаторства, почтамт, оперный театр и вокзал. Генрих думает, как перебраться от всего этого кошмара в маленький германский городок, не подверженный бомбежке союзников. Но я пока отказываюсь, – заключила Эльза и выразительно посмотрела на меня, ожидая моего мнения. Но, что я мог обещать этой влюбленной женщине в своего врага! Неужели, она ничего не подозревает и слепо доверяет мне? В сущности эта патриотка своей Германии неплохая христианка, как и многие истинно добропорядочные немцы, одураченные гитлеровской идеологией превосходства над другими нациями.

Было только одиннадцатый час вечера, а клуб почти опустел. Мы с Тиссенем попрощались с Бизанцем и вернулись в команду. Центр все настойчивее обсуждал с нами дальнейшую передислокацию команды. Свою разведывательную задачу мы выполнили. Центр получил подробные сведения о немецкой оборонительной системе в самом Лемберге и в области. В общих чертах мы сообщили и о пессимистических настроениях в гарнизонах галицких городов. Тему неукротимого наступления Советской армии на одном кабинетном обеде я затронул в разговоре с Бизанцем.

– Господин полковник, неужели в нашей авиации перевелись асы?

– Что вы имеете в виду?

– Русские безнаказанно бомбят Лемберг!

– С авиацией у нас сейчас проблемы. Мало того, что иностранные рабочие некачественно собирают самолеты, мы пилотов не успеваем подготавливать. Фронтовое командование часто стало использовать самолеты не по назначению.

– Это как?

– А так. Перевозят в Германию свое личное имущество. Оставим эти разговоры, гауптман, – Бизанц выразительно показал пальцем на репродуктор. – Вы лучше скажите, как у вас дела с подготовкой людей?

– Уже не из кого готовить. В лагерях не осталось кадров. Новых русских военнопленных прибывает с каждой неделей все меньше.

– Берите из местного населения.

– Мы как-то отправили такую группу. Долго возились с ними и с минированием, и с парашютной подготовкой. Бестолковы и трусоваты. Так и не вышли на передачу. Видно, сразу сдались НКВД.

– Да, в техническом отношении поляки более подготовлены. Но, они наши враги. Среди ваших выпускников был хотя бы один поляк?

– Может и был, но выдавал себя за украинца, чтобы вырваться из концлагеря.

Когда мы вышли на улицу, Бизанц схватил меня своим цепким взглядом и прямо начал разговор:

– Вы же умный человек, гауптман. Вы прошли Испанию, Францию, Польшу. Вы понимаете уже давно, что эта война в России проиграна нами начисто. Русские через полгода будут в Европе, а в Лемберг они придут через пару месяцев. Может быть раньше. Что собираетесь делать? Ведь здесь оставаться нельзя?

– Думаю со всей командой перебраться в Силезию. Там сейчас построены мощные оборонительные сооружения. Мне важно сохранить своих солдат для фюрера. Может к тому времени мы применим новое оружие, о котором много говорят.

– Не будьте наивным, Вильгельм! Нет никакого нового оружия! Если бы оно было фюрер бы его давно применил. Наши коллеги из Абвера переходят на сторону врага!

– Что вы имеете в виду? – меня ошарашило это заявление Бизанца, и я остановился. Бизанц наклонился к моему уху.

– Один лейтенант из контрразведки, служивший в Анкаре, похитил секретные документы и перебежал к англичанам!

– Предатель! Ему отомстят!

– Успокойтесь, гауптман! Уже некому мстить! Гитлер в своих планах сильно просчитался. Его хотят убрать... Пора и нам уходить в более безопасное место.

– Куда?

– В Австрию.

– Почему в Австрию?

– Потому что ее займут американцы. Поверьте, гауптман, моему послевоенному опыту. После войны всегда победители начинают фильтровать пленных. И вас и меня расстреляют, как военных преступников, если мы попадем в плен к большевикам. Надо сдаваться только американцам.

– Я вас хорошо понимаю, господин полковник! Но у меня семья в Потсдаме, и я собираюсь защищать свою семью и своего фюрера до конца. А где ваша семья?

– В Вене. Моя жена и дочь перебрались туда в 42-ом к родственникам.

– Вам легче, господин полковник! Ваша семья можно сказать в безопасности, она окажется под крылом американского орла. А наш германский орел должен еще доказать, на что способен! Но я вас не осуждаю. Вы прожили трудную и беспокойную жизнь, и имеете право пожить в кругу семьи. У меня другая судьба.

– Я бы для вас, Вильгельм, мог многое сделать в Австрии. Там меньше ненормальных, чем в Германии. И вашим сотрудникам нашлась бы работа. И мы бы вместе быстрее добрались с вашей командой до Австрии. Примите мое предложение! Поверьте отцовскому опыту, я вам желаю только добра!

– Но, уважаемый господин полковник! У меня есть начальство и оно, пока что приказывает. Мою опытную команду решено использовать как боевую единицу для защиты фатерлянда!

– Кого вы хотите защищать, гауптман? Этих обанкротившихся берлинских политиков? Так они не стоят того! Наш шеф Канарис тоже стал вилять своим лисьим хвостом! Позаботьтесь лучше о себе!

Мы так ни о чем и не договорились с Бизанцем. Он хитрил, как старый лис, а я должен был изображать патриота, хотя он считал меня идиотом. Так и сказал мне возле Галицкого рынка: – вы, молодой, неопытный идиот, гауптман!

23 апреля 1944-го года в журнале военного коменданта Лемберга появилась запись: «Команда Абверштелле – Украина 202 отбыла по назначению». Я позвонил Бизанцу, поблагодарил его за все хорошее, что он сделал для моей команды. Пожелал ему удачи. На прощанье я пошутил.

– Вы, господин полковник, как в воду глядели! Я вынужден драпать из Лемберга перед приходом русских первым, раньше вас! Извините за аналогию, удираю, как удирали австрийский Нойман первым из Лемберга в 1914-ом! Правда он был комендантом, а я только гауптман. Позорники Нойманы.

– Вы, идиот, Нойман! – прорычала трубка.

ПУТЬ В КРАКОВ

Команда прибыла в Перемышль. Шел непрерывный обложной дождь. Пограничная река Сян с ее низкими берегами выползала из-под центрального моста серой разбухшей змеей, как будто недавно проглотила крупную добычу. Было зябко и холодно, когда мы с Тиссенем вышли из машин возле здания комендатуры. Дежурный комендант разместил команду на западном берегу. Город был сильно разрушен еще в первые недели войны, хотя железнодорожный мост через реку немцы быстро восстановили. На левом берегу оставались еще наши, поцарапанные

пулями бетонные доты. Теперь этот левый берег усиленно укрепляли немецкие саперные подразделения. Польша и Украина давно, с наполеоновских времен, превратились в территории раздора между германо – европейскими и русскими армиями. Европа и Россия доказывали друг другу силой оружия, где чьи земли. Земли для всех не хватало. Особенно для германцев. В XX веке они бредили «Великой» Германией, как поляки в XV11 веке мечтали о «Великой» Польше «от моря и до моря». Зачем это было им? Поляки, идеализируя крестовые походы, хотели доказать превосходство и всеилие католической веры и огнем и мечом насаждали ее на русских землях. Теперь вот, немцы пытаются доказать силой оружия превосходство «арийской» расы и уничтожают целые государства и народы. Чем они собираются оправдывать свое насилие? Кто будет отвечать за преступления?

Мы переночевали в Перемышле двое суток. За это время сообщили все данные по оборонным объектам с плавучей точки. Центр приказал, дав строгое предписание двигаться дальше на запад, в Краков, и по возможности нигде не останавливаться. Ставились две задачи: первая – наиболее важная, – передавать данные об оборонительной системе Силезского района; вторая – найти явочные квартиры ОУН и ликвидировать руководство.

В Краков мы прибыли в середине апреля 44-го. Нас разместили близко от центра во дворце какого-то польского магната. Дворец находился недалеко от берега Вислы, которая как и Сян, показалась мне игрушечной по сравнению с нашим могучим Днепром, с его крутыми берегами. Команда знакомилась с этой второй столицей Польши два дня. Краков несколько напоминал Львов, однако монументальных немецких зданий в нем было меньше. Но во Львове отсутствовала река, что немаловажно для европейского города. Больше всего на членов команды произвели впечатление два объекта: резиденция польских королей на Вавельском холме и Марианский кафедральный костел. Стоя под высоченным куполом ротонды девы Марии, мои бойцы восхищались ее огромными колоннами. Мы осмотрели королевский замок и здание старинного Ягеллонского университета. Странное дело, – я вспомнил обстоятельства пленения Ноймана и подумал, что мы с ним, наверное, «родственные души». Мне не чуждо было прекрасное, как и моему оригиналу. Он в свое время, в начале войны был впечатлен Софиевским парком под Уманью. От Умани до Кракова 750..800 км, примерно такое же расстояние и от Киева до Кракова. А вот от моего Запорожья до Кракова больше 1000км. И на этой всей территории, когда-то хозяйничала польская шляхта, дурно управляемая своими «демократически» избранными королями. Точнее сказать, – шляхта (по нашему – бояре) почти во все времена управляла королями. Поляки много утратили за последние три века, поэтому и злые их политики. Их католическое королевство раскромсали могущественные империи: Австро – Венгерская, Германская и Российская. Последняя для них самая ненавистная. А ведь были в Москве. На престоле православной столицы сидел был католик Лжедмитрий. История, – дама изменчивая, как ветер мая. Мы думали в 1945-ом, что в Европе земельные споры окончены навсегда. История показала, что это не так. Передел собственности идет непрерывно. Границы повсюду перманентно изменчивы, как волны «Тихого» океана. Они то вздыбятся малыми или большими войнами, то исчезнут в штилевую мирную погоду, когда Землю не трясут глубинные энергии.

В Кракове нам с Тиссенем было относительно спокойно. Наши офицеры, занимавшиеся вербовкой агентов, приобрели во Львове богатый опыт общения, как с лагерными комендантами, так и с польскими гражданами. Многие, кто обучался в институте иностранных языков, выучили польский язык. Военная администрация Кракова, благодаря рекомендациям Бизанца, шла нам навстречу. Что касается посещения лагерей и контактов с польскими вахманами и полициями, то у нас с ними не было проблем. Однако, ни поляки, ни немцы не могли нам предоставить какой-либо информации об украинском подполье ОУН. Мы так и не вышли на

тесные контакты с украинскими гражданами Кракова. Выполнение этой задачи, поставленной Центром зашло в тупик.

Пятого мая от своего польского агента из Львова я получил донесение. Как и намечалось со слов Эльзы, – расширенное совещание военных чиновников Лемберга состоялось в казино, на улице Пекарской. Это было помпезное австрийское здание, расположенное в 50 метрах от ресторана, где мы часто обедали с полковником Бизанцем. Этот мой, польский агент, которого я завербовал на Галицком рынке, был непростым крестьянином. Проанализировав вместе с Тиссеном мои контакты с ним, мы пришли к выводу, что он является боевиком польской Армии Краевой(АК). Ему, – красавцу с пышными усами, было под 60 и он, торгуя на рынке зеленью, подрабатывал истопником в казино. Ходу от его прилавка до казино всего пять минут прогулочным шагом. Наши заготовители закупали у него редис, хрен и прочее большими партиями. Так состоялось наше знакомство. Чисто на коммерческой основе. Ему сразу дали понять, что финансами распоряжаюсь я. Уж не знаю, за кого он меня принял, – то ли за немца – антифашиста, то ли за английского разведчика. И то, и другое меня устраивало. Мы снабдили Франека взрывчаткой, и он заложил ее в печь, которая отапливала центральный зал на втором этаже. Его пытался инструктировать наш «закупщик», но он только потребовал пять кг взрывчатки и сказал, что все остальное ему известно. Так, что наш отъезд из Лемберга был несколько вынужденным. Франек сообщил: взрыв произошел в 19-00. Здание казино полностью разрушено. Погибло и покалечено больше сотни высших офицеров СС, СД, гестапо, среди которых было два генерала. Я ничего не знаю был ли в это время генерал Генрих Мюллер, шеф гестапо Лемберга, или он успел уехать к своей молодой жене, но полковник Бизанц точно не погиб. Его судьба пока, что берегла.

В середине мая, не то 13-го или 12-го, я в одной тихой комнате дворца с видом на весенние берега Вислы работал над сообщением для Центра. Неожиданно, без стука, распахнулась широко дверь, и вошел с огромным букетом весенних полевых цветов обер – лейтенант Йоган Тиссен, мой заместитель. За ним все командиры подразделений и свободные от нарядов, человек двадцать моих подчиненных. Я любил, когда ко мне по разным вопросам заходило сразу до десятка моих подопечных. Коллективная проработка военных задач всегда охватывала множество проблем, из которых можно было выбрать верное решение. А тут пришли двадцать молодцев, – значит возникли какие-то новые, непредвиденные вопросы. Тиссен, между тем, спросив разрешения, сдвинул журнал на край стола и поставил в центр вазу с цветами. Шедший за ним солдат поставил бутылки с Бургундским, другой вручил мне и Тиссену стаканы. Я молча смотрел, как наполняли стаканы, и недоумевал.

– Друзья мои, вы вероятно, ошиблись! День рождения у меня в октябре! – обратился я на привычном немецком, вставая из-за стола.

– Разрешите, товарищ командир, – обратился ко мне Тиссен на русском языке, окинув взглядом всех улыбающихся офицеров, и продолжал: – Дорогие друзья, товарищи! Сегодня 12-го мая! Ровно два года назад, когда наша армия отходила с боями на восток, мы с вами отказались от родной речи, одели ненавистную нам немецкую форму и перешли во вражескую армию. Два года мы выполняем рискованную работу в тылу врага во имя освобождения Родины и победы над фашистским зверем. В этой смертельной схватке нас ожидал ежедневный провал, но мы с вами прошли тяжелые испытания и тщательные проверки германскими спецслужбами. Мы выдержали этот экзамен на зрелость! Каждый из нас перевоплотился в абверовца. Мы действуем под именами тех, кто сейчас отрабатывает свои преступления в наших сибирских спецлагерях. Мы нанесли ощутимый урон вермахту и с честью выполнили задание товарища Сталина и нашей коммунистической партии! Разрешите, товарищ командир, поздравить взаимно друг друга и пожелать всем дальнейших успехов в нашей непростой работе!

Я от такой речи растерялся. Как я мог забыть!? Так вот, какое событие сегодня! И я обратился к своим солдатам тоже на русском:

– Большое спасибо, вам друзья, что вы не забыли эту дату! Спасибо за все то, что нам удалось сделать за эти два опасных и напряженных года! Спасибо вам за честную и преданную любовь к своей Родине, к нашему советскому народу, к партии и к товарищу Иосифу Виссарионовичу Сталину! Ура, товарищи!

Тихо прозвучало троекратное ура! Мы чокнулись стаканами. Выпили.

– Желаю вам мои, дорогие друзья, преданные войны, здоровья и личного счастья, а самое главное – быстрее окончания войны и возвращения на Родину к своим семьям!

– Дорогие друзья! – снова обратился Тиссен, – считаю торжество оконченным. Все по своим местам. Всем держаться до полной победы над врагом!

Мой кабинет освободился, и я остался один. Нахлынули воспоминания первых дней пребывания в немецкой армии. Тогда мне казалось, что на меня и на бойцов моей команды все обращают внимание. И, несмотря на первый удачный спектакль с участием офицера разведки танковой армии Клейста, мне казалось, что каждая последующая встреча со старшим немецким офицером может быть последней. Тиссен испытывал те же чувства тревоги и неуверенности. Он признался, что был все первое время готов к самопожертвованию, если раскроется, что он советский разведчик. Постепенно это чувство тревоги, после нескольких проверок наших документов, стало сходиться на нет. Мы привыкли к этой естественной в военных условиях процедуре, и уже были уверены, что наши документы «подлинные». Однако, как только мы развернули работу в лагерях, это чувство всплыло вновь. Ведь в немецких фильтрационных лагерях для наших военнопленных на востоке Украины в 1942-ом, можно было встретить знакомых, друзей детства, родственников. Если мы с Тиссенном, ежедневно первыми вступая в контакты с немцами, научились быть «своими» среди них, то другие офицеры, начиная работу в лагерях, такого опыта не имели. Тревога за них была сильнее, чем за себя. Учителя – психологи на курсах предупреждали: знайте, если вы чего-то постоянно боитесь, то это непременно случится! Так и произошло! В районе Запорожья, где не только я и Тиссен прониклись опасением моей нежелательной встречи, но и офицеры, знавшие откуда я родом. Нам повстречался друг моего отца Сергей Иванович Суржин. Тогда выдержка Тиссена, только она и спасла Суржина. Ведь я, по большому конспиративному счету, принял решение о немедленном расстреле Суржина. Я не мог рисковать не только 120-ю своими бойцами, – могло быть сорвано важное задание Родины. Мне не давали покоя слова маршала С. К. Тимошенко, сказанные в его штабе, в Купянске: «Вы, фронтовые разведчики, – глаза и уши нашей армии. Вы нужны сейчас нам, как воздух! Не рискуйте зря!».

Контакты с Суржиным доставили много треволений. Его появление в команде с дохлой шукой, из вонючей пасти которой он извлек записку от моего друга детства Павки Шейченко, еще раз заставило меня понервничать. Я был, конечно, несказанно рад получить от него весточку, я был горд, зная что Суржин рассказал ему, кто я. Я был рад за Павку, что он командир местных партизан. Но, вместе с этой естественной человеческой радостью, пропорционально величине ее позитивной энергии, возросло и чувство тревоги. Ведь расширился круг людей, осведомленных о нашей секретной команде. Секрет перестал быть «секретным».

Проведение Ковельской и Раво – Русской операций добавили треволений и нагрузки на сердечную мышцу. Посещение концлагерей в Галиции, – этих «высоко рентабельных» производств по физическому уничтожению людей, превратили мое сердце в камень. В Золочеве, в немецком военно-полевом госпитале, и была обнаружена трещина в моем сердце.

НОСТАЛЬГИЯ ПО ДЕТСТВУ И РОДИНЕ

Память уносила в прошлое. Вспомнились детские беззаботные годы. Большинство дворов в нашем поселке Кичкас принадлежало немцам – колонистам. Их было порядка восьми сотен, они располагались в долине старого русла Днепра. В майские дни там щедро цвели фруктовые деревья. С северной стороны поселок обрамлял вековой дубовый лес и цепочка мелко-

водных теплых озер, заросших камышами. Немцы – заводчики Копп, Мартенс, Унгер построили в поселке цеха по выпуску сельскохозяйственного инвентаря, три паровых мельницы и два ветряка. Вблизи этих производств селились рабочие. Были построены склады и торговые лавки.

Поселок располагался возле мелководной древней Кичкасской переправы. В весеннее половодье ближайшая к острову Хортица часть поселка покрывалась водой. Вода подступала к высокому крыльцу нашего дома. В центре поселка стояла небольшая скала, за которой мы, поселковые дети, прятались от снарядов врангелевской артиллерии, бившей по махновцам. На отвесных краях скалы люди отмечали каждый год уровень поднятия днепровских вод. Правый и левый берега Днепра соединялись двухъярусным железнодорожным мостом. Через верхний ярус моста проходили поезда, по нижнему шли телеги, запряженные лошадьми, и пешеходы. Мост был установлен над глубокой излучиной реки. Выше, где наблюдалось сильное течение, посередине русла возвышалась над водой скала «Разбойник». По преданию, об эту скалу разбился не один купеческий корабль. Севернее, в шести километрах начиналась гряда днепровских порогов. Пороги ревели круглосуточно, и звуки этого рева достигали поселка. Мост был взорван, и с него упали в реку два эшелона раненных красноармейцев. А через семь лет в Днепре появились огромные сомы – прожорливые свидетели человеческой трагедии.

Украинская церковно – приходская школа была бедной. Отец Антоний вынужден был вести занятия сразу со всеми четырьмя классами. Вся школа состояла из одного большого помещения, в котором было четыре ряда по 6-8 парт. Каждый ряд – отдельный класс. Как умудрялся наш священник учить всех сразу, я не мог взять в толк. Мне было всегда интересно, что он рассказывал старшеклассникам. В немецкой школе пастора Густава каждый класс имел своего учителя. Я часто посещал немецкую школу по просьбе своих друзей – немецких мальчишек и девчонок. Не знаю за что, но немецкие дети любили меня. В их среде я получил основные уроки общения на немецком языке. Удивительно, но приобретенные навыки и неполный запас немецких слов, позволили мне общаться в Испании с военнопленными немецкими советниками. На московских спецкурсах учителям, однако, пришлось долго и дотошно поговорить с моим произношением. Они добивались мягких интонаций, свойственных ниже – силезскому наречию в районе Бреслау (Вроцлава), пограничного города. Пограничные поляки знают немецкий, впрочем, как и пограничные украинцы Львовской области знают польский. Запомнилась зубрежка немецких военных терминов и первый учитель – наставник. Это было в начале курсов. Мне предоставили отдельную комнату с запирающейся дверью. Слышу резкий стук в дверь. Подхожу к двери и слышу мужской голос, который по немецки спрашивает:

– Разрешите войти?

Я молча открываю замок и распахиваю дверь. В комнату вошел мужчина в темном свитере и светлых брюках, плотного телосложения. Лицо пожилого человека, с большой лысиной и недовольным выражением. Он поздоровался со мной за руку и строго спросил на немецком:

– Почему вы, услышав стук в дверь, не поинтересовались, кто стоит за дверью, и сразу открыли ее? Отвечайте быстро и по-немецки!

– Я находился рядом и решил, что так будет быстрее.

– А, если кто-то постучал по ошибке? Вы поступили совершенно неправильно! Так делать нельзя! Немцы всегда спрашивают о цели прихода посетителя. Например, – чем могу быть вам полезен?

– Понял, учту, – ответил я упавшим голосом, смутившись от серьезного замечания. – Присаживайтесь, пожалуйста, – предлагаю я учителю, и тут же получаю второе замечание:

– Неправильно! Вы должны узнать у посетителя, кто он и зачем пришел! Лишь, убедившись, что вошедший действительно вам нужен, предлагайте ему присесть! Выслушивайте его до конца, не вступая с ним в разговор!

– Понял вас, – ответил я на русском, еще более смутившись.

– Снова неправильно! Почему перешли на русский язык?

Наставник тогда сбил меня с толку своими строгими замечаниями окончательно, и я стоял растерявшийся, не зная, что сказать ему. Увидев, что его психологический трюк «строгого начальника» удался, пришелец улыбнулся и представился:

– Старший майор Колесников Виктор Петрович, учитель современного немецкого языка. Моя задача – передать вам свой опыт общения в немецкой армии. Все разговоры будем вести только на немецком, и строго выполняйте мои указания. Учтите времени у нас очень мало!

Первый, «неправильный», день занятий длился 6 часов. Занятия шли в режиме диалога. Вопрос учителя – ответ ученика. Вопрос ученика – развернутый ответ учителя. Все последующие занятия длились по 14 – 16 часов. Но, удивительно, – эти занятия меня не утомляли. Виктор Петрович пристально следил за моим произношением, за мимикой мышц лица, за правильным выражением чувств, действием рук и всего корпуса тела.

– Виктор Петрович, вы готовите из меня актера немецкого театра?

– Запомните! Каждый разведчик должен быть актером и должен нравиться всем, с кем он общается. Держите себя свободно, не так как ученик перед школьным учителем. Ни в коем случае не водите глазами по сторонам! Пристально и смело смотрите в глаза любому собеседнику, – солдату, или генералу, без разницы! Улыбка, – вежливость с мужчинами и обходительность с женщинами!

В первый месяц замечаний было много. Я нечетко произносил некоторые длинные немецкие словосочетания, был вульгарным и не пластичным в мимике. Трудно мне давались актерские приемы. Анализируя свой уровень знания немецкого языка, я пришел к выводу, что больше тройки мой учитель мне не поставит. Позже, увидев результаты, Виктор Петрович начал меня хвалить. Мы часто обсуждали целые главы и стихотворения немецких авторов: Брехта, Гете, Шиллера, Ницше. Я должен был научиться вступать в полемику с собеседником, смело и аргументированно с ним спорить. Много времени уделялось немецким философам. Я мог пользоваться диалектикой Гегеля и с интересом читал «Всеобщую естественную историю и теорию неба» Иммануила Канта, по времени прогулок которого, жители Кенигсберга сверяли свои часы. С трудом постигал «коллективную душу» народа Освальда Шпенглера, штудировал его тяжкий труд «Закат Европы». А основатель «философии жизни» Фридрих Ницше и его сочинение «Воля к власти», помогли мне понять коллективную душу фашизма. Благодаря Виктору Петровичу я, можно сказать за месяц, окончил первый курс философского факультета.

Много времени учитель уделил немецкой культуре поведения в обществе. Мы вместе с ним просматривали и потом обсуждали немецкие кинофильмы. Другие учителя преподавали мне уроки танцев и обхождения с партнершами.

Больше всего мне нравились уроки по искусству стрельбы. Здесь у меня было отлично. Я еще в Измаиле получил значок «Ворошиловского стрелка». Интересными были курсы вождения немецких легковых и грузовых машин. И меня и других членов команды научили разбираться во всех технических сложностях автомобилей захваченной абверкоманды. Это был наш кочующий по немецким тылам разведтабор, с походной кухней, оружейной мастерской, и даже со своей типографией. Учились мы многому: составлению топографических схем местности, обращению с радиоаппаратурой, фотографированию и составлению закодированных текстов. Обучали строевой подготовке, принятой в немецкой армии, ношению формы и оружия и другим «мелочам», вызывавшим у некоторых курсантов неприятие. Все пригодилось. Мы с благодарностью вспоминали наших наставников. Их замечания и советы не раз спасали команду от провала.

За окном раздались зенитные выстрелы. Я вышел на балкон и увидел высоко в небе маленький самолетик. Он находился выше облачков взрывов от зенитных снарядов. Вероятно,

это был наш разведчик. Он уходил на восток. Я зашел в комнату и продолжил работу над донесением.

Центр разрешил наладить контакты с польским подпольем Армии Людовой, действующей в содружестве с советскими партизанами. Эти контакты давались нелегко, хотя многие офицеры знали польский язык. Брала свое психологическая усталость, мы боялись провокаций. До начала Львовско – Сандомирской операции особой активности мы не проявляли. Моральный дух «непобедимости» немецкой армии так и не воспрянул после поражений на Правобережной Украине. Со страхом ожидая новых сокрушительных ударов от советских полководцев, немцы на Львовском направлении создали три оборонительных полосы. В них держали оборону пять танковых, одна моторизованная и три пехотных дивизии, включая галицкую. Немецкая и венгерская дивизии были недоукомплектованы и насчитывали 8-9 тысяч солдат. И только галицкая дивизия была полной. О ее военной трагедии украинскими историками написано немало трудов. Это отдельная тема.

Командующий Первым Украинским фронтом маршал И. С. Конев решил к неожиданности немцев раздробить их армейскую группировку «Северная Украина». Он одновременно наносил удары и на Львовском, и на Рава – Русском направлениях. Благодаря этому стратегическому плану мощные удары советской артиллерии, танки и самолеты загнали немцев в окружение под Бродами, из которого вырваться им не удалось.

Лишь после сокрушительного и полного переваривания немецких дивизий в Бродовском котле, мы решились оказывать польским партизанам посильную помощь оружием и взрывчаткой. С удовлетворением мы узнали, что под Бродами была большей частью уничтожена и разогнана по лесам добровольческая дивизия галичан. В конце июля войска 1-го Украинского фронта освободили Львов. И вскоре фронт вступил на польскую территорию. Участилась выброска советских диверсионных разведгрупп в Краковском и Келецком воеводствах. К осени 44-го на железных дорогах этих воеводств было уничтожено более ста германских эшелонов. Эстафету активной рельсовой войны наша команда запустила в августе 1943-го на Ковельском железнодорожном узле. Немцы так и не нашли эффективной защиты своих железнодорожных перевозок. Не помогли ни охранные войска СД и СС, ни авиация, ни местные колаборационисты. Фашистский зверь был смертельно ранен и уже не мог быстро передвигаться, как в 1941-ом.

В конце мая Центр информировал нас о реорганизации, происшедшей в управлении Абвера. Все три абверовские структуры – «Абвер 1», отвечавший за разведку, «наш – Абвер 11», занимавшийся спецоперациями, и «Абвер 111» – контрразведка (где служил полковник Бизанц), были переданы РСХА и СД – объединенной службе безопасности. Центр предупредил о возможных провокациях и потребовал продержаться до удобного момента по нашему возвращению на Родину. Активная деятельность команды «Абверштелле Украина 202» завершилась. Связь со штабом «Орион» стала редкой. Сотни подразделений немецких спецслужб сдавалось в плен.

С середины лета 44-го немцы начали тщательно укреплять Краков. Эту столицу польского дистрикта они планировали превратить в неприступную крепость на пути советских войск, прорывавшихся в промышленную Верхнюю Силезию. Вокруг города были созданы кольца земляных валов с дотами и артиллерийскими установками. На улицах города смонтированы противотанковые бетонные надолбы, баррикады и блиндажи. Краков немцы решили превратить в свой «Гитлерград». Они заминировали все промышленные предприятия, театры и даже Вавельский замок. На земляные работы сгонялось не только население города, но и заключенные концлагерей, в том числе из Освенцима. В главе «Ваша родина Палестина» я описывал ужасы, которые мне пришлось увидеть в Тремблинском концлагере. В еще большем «промышленном» масштабе уничтожались люди со всей Европы в Освенциме. До четырех миллионов – по данным международной комиссии. При этом, как и в Тремблинке, ведомство

Гимmlера за годы войны «заготовило» множество ценностей для «германского народа». На территории лагеря было обнаружено: 35 складских помещений с одеждой и обувью их сожженных владельцев. Семь тонн женских волос, рожавших и не рожавших женщин. Личные украшения и ценности, часы и золотые коронки фашисты успели упрятать в тайниках и швейцарских банках.

До освобождения Кракова в январе 1945-го оставалось четыре месяца. Мои офицеры успели до середины осени обследовать наиболее важные центры Нижней Силезии – Катовице и Сосновец. Они были недалеко от Кракова. В Верхней Силезии, в Бреслау, нам Центр не рекомендовал появляться, опасаясь гибели и провала. Армейское командование немцев при остром дефиците солдат, каждодневно гибнувших, и от пуль партизан, и от бомбежек авиации, гнало на передний край всех подряд. Мы решили не рисковать и в лесах между Тарнувом и Жешувом по приказу Центра «сдались» советской части. Генерал, командовавший частью, связался со штабом 1-го Украинского фронта и выяснил, кто мы такие. Неделю мы ожидали спецсостава. Наши машины, вместе с машиной, в которой еще оставалось Бургундское, которым мы щедро поделились с нашими, были погружены на платформы. Всех моих солдат и офицеров разместили в двух плацкартных вагонах и отправили в Москву. Я вспоминал 1938-й, когда нас везли домой из французского лагеря для пленных интербригадовцев. Кажется моя вторая длительная эпопея войны с европейскими фашистами заканчивалась. Свои отчеты каждый командир своего подразделения и я, как командир всей команды, мы писали в московском подмосковном санатории. Кажется это было в Марьиной роще.

НАПРАВЛЕНИЕ ВО ЛЬВОВ

После непродолжительного отдыха нас собрали в Кремле, и М. И. Калинин вручил всем членам команды правительственные награды. Награждение состоялось в том же зале, в котором в начале мая 1942-го И. С. Сталин нас напутствовал на выполнение опасной миссии. После вручения наград все получили отпуска для отдыха в своих семьях. Заключительное слово было предоставлено генералу из контрразведки:

– Свой отдых от работы в тылу врага и право на мирную, спокойную жизнь, вы товарищи чекисты заслужили. Споры нет! – обратился к нам генерал, – но Родина нуждается в вашей помощи! Считайте это просьбой товарища Сталина. Вы знаете, что на Западной Украине другой враг поднимает голову – украинские буржуазные националисты из ОУН. Организованные в бандеровские банды и повстанческую армию, они терроризируют мирное население, совершают диверсии на предприятиях, убивают советских партийных и комсомольских работников. Их поддерживает католическое духовенство и Ватикан, а также военные круги Англии, США и других капиталистических стран. В ряде городов и населенных пунктов они оказывают упорное сопротивление нашим внутренним и регулярным войскам. Многие из них получили военный опыт, воюя на стороне фашистской Германии. Я имею ввиду недобитых вояк из дивизии СС Галичина. У наших контрразведчиков не хватает специалистов, хорошо знающих этот край. Управлениям госбезопасности на местах не хватает опытных оперативников. Во многих районах бандеровцев активно поддерживает греко – католическая церковь и местное население. Товарищ Сталин и Министерство госбезопасности, мы возлагаем большие надежды на ваш бесценный опыт, – заключил генерал.

После двухнедельного отдыха в своих городах несколько командиров подразделений бывшей «абверкоманды» и я получили предписания явиться во Львовское управление госбезопасности. В феврале 1945-го я прибыл во Львов. Что собой представлял Львов и в целом Западная Украина, – лучше всех рассказывают Л. П. Берия и его заместитель П. А. Судоплатов в своих воспоминаниях.

08. 1940 Новые территории это хорошо. Но надо крепко чистить... Надо крепко охранять новую границу. Много нарушений и больше серьезных. Не контрабанда, не в гости, а разведка.

Как всегда много возни с ОУН. Работают сами и на немцев. Тяжело. Местную обстановку они знают не хуже нас и даже лучше.

09. 1940 На украинском участке границы доходит до прямых боестолкновений с бандами националистов. Идут в Германию, из Германии. Руководители подполья получили приказ переходить в Германию и следовать в Берлин.

09. 03. 1941 Мыкыта все еще сидит в Москве. Не пойму, у него что на Украине дела нет? Там надо день и ночь, огромное хозяйство и подполье там самое сильное, крепко вредят. Я ему так и сказал, мы с ОУН еще помучаемся! От открытой пятой колонны мы Украину почистили, а подполье сидит. И банды ходят. А он в Москве. И все у Кобы набивается в гости».

01. 02. 1944 Закончилась Сессия Верховного Совета. Провели, хотя и война. Почти все в форме, а крепко запахло миром. Сразу столько женщин в одном зале. Съехались все Республики.

Тов. Сталин принимал украинцев с Мыкытой. Были их поэты, Довженко из кино. Плакали. Довженко плакал потому, что тов. Сталин его разгромил. Представил киноповесть «Украина в огне». Сильный национализм, тов. Сталин был в гневе... Национализм на Украине – это серьезно, мы это поняли сразу после присоединения Западных областей. Но тут нужна тонкая политика... Мыкыта это всегда плохо понимал, и сейчас не исправился. Мешает выполнять моим ребятам на Украине проводить мои указания. С Ленинграда снята блокада.

04. 04. 1944 Освобождаем Украину, сразу новые проблемы. ОУН, националисты. То же будет в Белоруссии и Прибалтике. Надо работать с населением и головкой. Это я хорошо выучил в Закавказском ЧК. Националисты тоже люди, не все звери и пособники фашистов. Национализм – это каша. Всего намешано и прилипает крепко. Это их земля, массовая база среди населения есть, пусть и не большинство. Легализованный бандит лучше убитого. У него семья, родственники не озлоблены, если отец и муж не убиты. Это борьба на долгие годы.

Мыкыта, недоумок, сказал Кобе, что вопрос о национальных бандах сильно преувеличен, он скоро наведет на Украине порядок. А вот тебе, наведешь скоро. Это дело долгое, надо вести с умом.

08. 1944 Все освобожденные территории поражены бандитизмом. Навалилось. Наступать надо, снабжать фронт. Есть уголовный бандитизм и политический. Сложно со Львовом. Поляки, уехавшие из Варшавы – 40 тысяч, львовская шваль, спекулянты. Сильный польский национализм. На улицах Львова висят польские флаги. С ОУН поляки враждуют, но без стрельбы, против нас. Это цветочки. Когда возьмем Польшу, будет хуже. У поляков даже обыватель болтает о Польше от моря и до моря.

Для более глубокого понимания галицкой проблемы обратимся к наблюдениям, сделанным П. А. Судоплатовым:

«...Галиция всегда была оплотом украинского националистического движения, которому оказывали поддержку такие лидеры, как Гитлер и Канарис в Германии, Бенеш в Чехословакии и федеральный канцлер Австрии Энгельберт Дольфус. Столица Галиции Львов сделалась центром, куда стекались беженцы из Польши, спасавшиеся от немецких оккупационных войск после сентября 1939 года. Польская разведка и контрразведка переправили во Львов всех своих наиболее важных заключенных – тех, кого подозревали в двойной игре во время немецко-польской конфронтации 30-х годов. О том, что творилось в Галиции, я узнал лишь в октябре 1939 года, когда Красная Армия заняла Львов. Первый секретарь компартии Украины Хрущев и его нарком внутренних дел Серов выехали туда, чтобы проводить на месте кампанию советизации Западной Украины. Во Львове процветал западный капиталистический образ жизни: оптовая и розничная торговля находилась в руках частных лиц, которых вскоре предстояло ликвидировать в ходе советизации. Огромным влиянием пользовалась украинская униатская церковь, местное население оказывало поддержку организации украинских национали-

стов, возглавлявшейся людьми Бандеры. По нашим данным, ОУН действовала весьма активно и располагала значительными силами. Кроме того она обладала богатым опытом подпольной деятельности, которого, увы, не было у серовской «команды». Служба контрразведки украинских националистов сумела довольно быстро выследить некоторые явочные квартиры НКВД во Львове. Метод их слежки был крайне прост; они начинали ее возле здания горотдела НКВД и сопровождали каждого, кто выходил оттуда в штатском и... в сапогах, что выдавало в нем военного: украинские чекисты, скрывая под пальто форму, забывали такой «пустяк», как обувь. Они, видимо, не учли, что на Западной Украине сапоги носили одни военные. Впрочем, откуда им об этом было знать, когда в советской части Украины сапоги носили все, поскольку другой обуви просто нельзя было достать. О провале явочных квартир доложили Центру... Серов и Хрущев игнорировали предупреждения Журавлева, считавшего, что по отношению к местным украинским лидерами деятелям культуры следует проявлять максимум терпения. Многие из них были достаточно широко известны в Праге, Вене и Берлине. Так, Серов арестовал Кость-Левицкого, являвшегося одно время главой бывшей независимой Украинской Народной Республики. Хрущев незамедлительно сообщил об этом Сталину, подчеркивая свои заслуги в деле нейтрализации потенциального премьера украинского правительства в изгнании. Кость-Левицкого этапировали из Львова в Москву и заключили в тюрьму. К тому времени ему было уже за восемьдесят, и арест этого старого человека сильно повредил нашему престижу в глазах украинской интеллигенции.

Коновалец, единственный украинский лидер, имевший доступ к Гитлеру и Герингу, был, как известно, ликвидирован в 1938 году (когда-то он служил полковником в австрийской армии и пользовался в кругах немецких «наци» неуоторым уважением). Другие националистические лидеры на Украине не имели столь высоких связей с немцами – в основном это были оперативники из абвера или гестапо, и британские или французские власти не придавали этим людям сколько-нибудь серьезного значения и не делали на них ставки, когда разразилась война. Поэтому заявление Хрущева о том, что он якобы сорвал западные планы создания украинского временного правительства в изгнании, арестовав Кость-Левицкого, попросту не соответствовали действительности, и когда мне приказал дать оценку того, насколько важно задержание Кость-Левицкого в Москве, я в своем докладе Берии, который затем был послан Молотову, подчеркнул, что задержание это ни с какой точки зрения не оправдано. Напротив, следует предоставить Галиции специальный статус, чтобы нейтрализовать широко распространенную антисоветскую пропаганду, и необходимо немедленно освободить Кость-Левицкого, извиниться перед ним и отослать обратно живым и невредимым, дав возможность жить во Львове с максимальным комфортом. Это должно быть сделано, естественно, при условии, что он, в свою очередь, поддержит нашу идею направить в Киев и Москву влиятельную и представительную делегацию из Западной Украины для переговоров о специальном статусе для Галиции в составе советской республики Украины. Тем самым было бы оказано должное уважение местным традициям. Молотов согласился. Кость-Левицкий был освобожден и выехал обратно во Львов в отдельном спецвагоне. Это предложение было моей первой открытой конфронтацией с Хрущевым и Серовым».

В этом отрывке Павел Анатольевич, имея в 1939-ом всего 32 года от роду, показал себя зрелым политиком. Ведь Молотов «согласился» с его предложением об образовании Галицкой автономии, наверняка, после обсуждения проблемы Кость – Левицкого со Сталиным. Однако, пока последний возвращался в «спецвагоне» во Львов, 27 сентября 1939-го был осуществлен более варварский и глупый политический акт против греко – католического митрополита Андрея Шептицкого. На его загородное имение в Прилбичах совершено было бандитское нападение оперативников НКВД. На родовой двухэтажный дом митрополита были сброшены с самолета две зажигательных бомбы. (Об том рассказал автору в 1991-ом попутчик – кэгебист, см. Первую книгу «Рождение красного сокола»). Люди выбегали из, охватившего дом пожара, а

их 13 человек безжалостно расстреляли. Однако, сам митрополит уцелел, – он во время акции находился во Львове. Кому пришла в голову эта грубая идея ликвидации первосвященника Галиции – Хрущеву с Серовым, или самому Сталину, неизвестно. Исполнители оказались бездарными преступниками. Митрополит имел перед Российской империей много «грехов»: он был германофилом и осуждал публично на всю Европу голодомор на Украине. Но надо было учитывать его известность в Ватикане и его положение в общественно – религиозной жизни галичан. Под военный «шум», происходивший в Польше, особого резонанса в Европе совершенные убийства не получили. Однако, ненависть галичан к Советам возросла многократно.

Вместе с советскими войсками, под командованием маршала С. К. Тимошенко, 17 сентября 1939 г., согласно пакту Молотова – Риббентропа, в Галицию вошли и войска НКВД. Эти войска и милицейские органы должны были обеспечить беспрепятственную работу советской администрации по массовой советизации в кратчайший период населения бывшей буржуазной Польши. В больших и малых городах чекисты непокорным и упрямым «украинским буржуазным националистам» предлагали отдать управление своими частными предприятиями в «общенародную» государственную собственность. В небольших районных городках и селах крестьянам предлагалось записываться в колхозы по примеру Восточной Украины. Националисты не желали записываться в колхозы, не признавали «товарища Сталина вождем мирового пролетариата» и, что самое страшное, Москву не считали первопрестольной, и хотели подчиняться только духовной власти Ватикана. Сопrotивление античеловеческой большевизации и советизации со стороны греко – католиков стало всенародным. ОУН и украинская греко – католическая Церковь организовали народ не только идейно и духовно, но, по сути, подняли вооруженное восстание против сталинского большевизма. В дальнейшем, в период немецкой оккупации Львова и всей Галиции, это сопротивление чужому гнету и чуждой власти привело к созданию в немецком тылу Украинской Повстанческой Армии, возглавляемой Романом Шухевичем.

В январе 1945 г. война между армиями Гитлера и Сталина переместилась с территории СССР в страны Европы. Несмотря на военные успехи по уничтожению гитлеровцев на внешних фронтах, Сталина крайне беспокоил внутренний фронт, образовавшийся на Западной Украине еще в 1939-ом. Сталин приказал Хрущеву, первому секретарю компартии УССР, ликвидировать УПА до 15. 03. 1945 г. Первая акция по ликвидации отрядов УПА была провалена. Не хватило сил. В Западную Украину были направлены новые дивизии и бригады внутренних войск НКВД. Но, и этой уже 200-тысячной армии оказалось недостаточно. Леса и Карпатские горы плюс симпатии и помощь населения помогли отрядам УПА сохранить боеспособность. Руководство МГБ СССР требовало активизировать агентурно – оперативную работу по поимке и ликвидации главных руководителей ОУН и УПА. Во Львове был введен необъявленный комендантский час.

УПРАВЛЕНИЕ МГБ ВО ЛЬВОВЕ

Мое направление и прибытие во Львовское обл управление МГБ УССР произошло спешным порядком. Я едва успел написать отчёт о работе, проделанной в оккупированном Львове. Не закончив отдых в крымском санатории, я съездил в Харьков к жене и детям и через три дня перевез их к матери в разрушенное Запорожье. Мать получила дом на правом берегу Днепра, в станице Новой, куда переселились многие станичники из старого, затопленного после строительства Днепровской плотины, посёлка Кичкас. Эти встречи с родными и друзьями были желанными и радостными. Но они меня и расстроили; по существу, я вновь отправлялся в неизвестность, покидая их, и не зная, сколько на этот раз продлится наша разлука.

Поезд во Львов тащился медленно. Дорога заняла двое суток. Разрушенные здания станций и вокзалов, отсутствие столовых или ресторанов, непомерные цены на продовольствие

– всё это продолжало напоминать о войне, которая, как будто бы закончилась. Иногда негде было купить простого хлеба, и я вынужден был обращаться в привокзальную комендатуру с просьбой о пропитании. Естественно, мне не отказывали, когда я предъявлял свое предписание. Офицеры сочувствовали:

– Капитан, там, на Западной Украине, идёт настоящая война. Мы воюем с бандеровцами. Их там, в лесах, целые армии! – рассказывал майор – дежурный комендатуры Днепропетровского вокзала, – Мне брат прислал с попутчиком письмо. Горячо там у них. Будьте осторожны!

Во Львове меня охватило чувство одиночества, когда серым и мглистым утром я вышел на привокзальную площадь. Мало света, камень и сырость после солнечного Запорожья удручающе действовали на меня. Никто в этом городе меня не ждал – ни мои преданные однополчане, ни родные. Как скоро мне удастся свидеться с ними? Я сдал чемодан в камеру хранения и вышел на привокзальную площадь. Несколько человек строительных рабочих возводили леса вдоль разрушенных стен вокзальных строений. По пустынной площади прохаживался военный патруль. Я сел в аккуратный сине – желтый трамвайчик. После больших, с облупившейся краской, тяжелых запорожских трамваев, этот мне показался детской игрушкой. По привычке «немецкого офицера», я сел в первое отделение вагона и сразу же почувствовал перемены. Салон вагона уже не был разделён цепочкой на два отделения. Во время оккупации Лемберга в первом отделении трамвая разрешалось ездить только немцам и их гражданским друзьям. Даже, если спереди было пусто, а во второе отделение было невозможно влезть, жители города не могли воспользоваться первым отделением. Иногда под страхом смерти, некоторым смельчакам удавалось проехать одну – две остановки, но это было риском, на который шли ненормальные. Обычно, на передней площадке ехало всего несколько немцев, тогда как в задней части трамвая, люди стояли плотной сбившейся массой. Из-за этого трамвайчики проседали на задние колёса и ездил с «задраным» вверх носом.

Первый номер трамвая шел от вокзала в центр города. Оба вагона были битком набиты разной публикой. С трудом забирались внутрь сельские женщины, нагруженные за спиной огромным полотняным узлом, с завязанными вокруг шеи концами материи. Этих женщин в шутку окрестили «парашютистками». Это был, действительно, продовольственный десант, благодаря которому в послевоенном Львове были относительно дешёвы и картошка, и капуста, и даже фрукты. В салоне я затесался между двумя интеллигентами в тёмно – зелёных шляпах. Мне надо было попасть на улицу Пелчинскую, где находилось управление госбезопасности. Круто повернув, трамвайчик выехал к величественному католическому костёлу Святой Елизаветы. Три шпиля костёла, как три мощных луча, расширяющихся книзу из благих и далеких небес, возвышались над привокзальной площадью. Ниже по улице Городокской виден был купол греко – католического собора святого Юра. Австрийцы построили «Святую Эльжбету» намного позже святого Юра, перед самой Первой мировой войной, с целью укрепления католического духа в Галиции. Они не пожалели денег и пренебрегли древними обычаями, по которым храмы строились в тихих местах, на зеленых холмах, как собор святого Юра. Когда строили святую Эльжбету, площадь уже была сильно застроена, и движение через неё с вокзала и на вокзал было очень интенсивным. Этот храм был построен тут явно ни к месту. Тем не менее, это была одна из многих львовских исторических достопримечательностей, и даже в это мглистое утро портал собора был украшен живыми цветами. Миновав костел, трамвай свернул на улицу Льва Сапеги – известного польского государственного и военного деятеля 16 века. Польское название этой, одной из центральных улиц города, не воспринималось военно-историческими амбициями немецкой администрации, и улицу переименовали на Фюрстенштрассе. Советская власть также внесла свою поправку, и улица стала называться именем Сталина.

Возле Политехнического института я вышел из тесного трамвая и решил немного пройтись. Я миновал трехэтажное мрачное здание бывшей тюрьмы гестапо на ул. Лонского. Его серые фасадные стены были отделаны декоративным рустом, – с выпуклыми прямоугольни-

ками, отделенными глубокими разрезами, по которым ловкий скалолаз мог бы подняться до самой крыши. В период немецкой оккупации города, мне однажды пришлось побывать в этой тюрьме. По рекомендации Бизанца, с которым я был в хороших приятельских и служебных отношениях, я попытался, якобы с целью подбора агентуры, проникнуть в камеры к некоторым заключённым. Меня интересовали советские военнопленные. Как только о моем появлении в тюрьме стало известно шефу львовского гестапо, генералу Генриху Мюллеру, он тут же запретил мне посещать эту тюрьму. «Тюрьма – это детище и предмет особой заботы именно гестапо. Абверу – нечего в ней делать», – так заявил нам генерал. С тыльной стороны, которая выходила на монастырь святого Лазаря, тюрьма имела просторный дворик, отгороженный от улицы трёхметровым каменным забором. Во дворе, над тюремной крышей возвышалась металлическая конструкция, собранная из уголков, образующих опорные фермы, и четырех труб, проходящих внутри ферм. На самой верхней площадке конструкции была установлена ёмкость. Бизанц говорил мне, что это сооружение было построено по замыслу и приказу Мюллера. С помощью капли воды, падающей на темя заключенного с высоты пятнадцати метров, сотрудники гестапо добивались нужных признаний. Фашистский рейх славился подобными изобретениями.

Миновав тюрьму, я вышел на хорошо знакомый мне перекресток шести улиц. Воспоминания, связанные с одной авантюрой на улице Кадетской, дали мне повод потешить собственное самолюбие «молодца – чекиста». Тогда мне казалось, что сам Сталин мог бы гордиться мною. С тех пор прошел только год, а как всё переменялось во мне! Тогда чувство опасности требовало концентрации всей моей внутренней энергии, на какую только были способны моё тело и мозг. Чувство опасности и жажда действий гальванизировали меня. Сейчас я стоял усталый, в одной минуте ходьбы от здания, где раньше размещалось управление гестапо, и заставлял себя действовать. Тогда, на этом перекрестке, проезжая в машине с молодой женой престарелого Мюллера, я развлекал её легкомысленными шуточками, одновременно обдумывая все детали предстоящих опасных действий. Три года нелегальной работы сделали из меня подобие авантюриста, не представлявшего себе жизни без побед, связанных с ловким обманом вышколенной охраны. Проникнуть в частный дом шефа гестапо, который нутром чувствовал опасного зверя, удавалось, я уверен, не каждому охотнику. Его дом находился на тихой боковой улочке, отходившей от улицы Кадетской, в верхней её части, в сторону заброшенного холмистого парка. Идеальное место для спокойного отдыха в старинном двухэтажном особняке под островерхой крышей. Этот особняк напоминал древний замок немецкого феодала. По правде говоря, попасть в резиденцию генерала для меня не составило особого труда. Дело в том, что на одном из вечеров я был представлен его супруге Эльзе моим приятелем Бизанцем. Эльзе было под тридцать, и она была симпатичной и аппетитной женщиной, довольно стройной при её надвигавшейся полноте. Эльза работала в канцелярии своего мужа. Она скучала. Бизанц, познакомив меня с ней, оказал ей светскую услугу. Мне тогда было чуть за тридцать. А, возможно, это была такая попытка со стороны Бизанца взять меня под контроль. Бизанц возлагал большие надежды на агентов, которых я, как командир абверкоманды, готовил из узников трудовых лагерей, во множестве сооруженных не только в небольших местечках вокруг города, но и в самом Львове.

Я вспоминал, как в далёком 1943-ем, Бизанц сводил меня на «экскурсию» в Цитадель, в лагерь для военнопленных со всех стран Европы. Львовская Цитадель – это довольно обширная плоская вершина холма, возвышающегося к югу от центра города с круглыми оборонными башнями и массивным зданием австрийских казарм. Башни были вынесены на самый край плато по его периметру, по всем сторонам света, для охраны территории от возможных неприятельских штурмов. Цитадель австрийцы возвели во Львове 100 лет назад – после того, как по всей их обширной империи прокатилась волна революционных событий «Весны народов» 1848 года. Нависая всей своей могучей громадой над городом, Цитадель должна была держать

в страхе и повиновении местное польское население. Однако, ей не суждено было защитить своими толстыми стенами разваливающуюся империю. В сентябре 1914 года Львов без боя сдался русским войскам. Австрийцы отступили, так и не успев испытать в бою эту твердыню. При поляках, до 1939 года, в их казармах находился пехотный полк, а немцы, захватив город в июле 1941-го, устроили там концлагерь.

В холодных казематах башен, окруженных рвами и охраной с овчарками, я видел несчастных людей, зараженных трудноизлечимой формой сыпного тифа. Хотя этот лагерь и не был «фабрикой смерти», специально организованной только для массового уничтожения людей, как, например, Освенцим или Майданек, немцы проводили здесь опыты на пленных по созданию бактериологического оружия. Доктор, «научный руководитель» лаборатории, занимавшейся выращиванием специальных вшей, продемонстрировал нам метод заражения заключенных.

– Нам надо обсудить с вами проект доставки оружия в глубокий тыл врага, – сказал мне тогда Бизанц.

Медлить было нельзя. Мне срочно нужно было связаться с Центром. Учитывая большую плотность населения, вся Западная Украина могла оказаться зараженной в короткие сроки от неосторожного обращения со смертоносными вшами. Меня беспокоила возможная опасность, из-за которой тысячи невинных людей могли стать жертвами подыхающего фашистского зверя.

В офицерском клубе, который находился недалеко от оперного театра, по средам и субботам играл оркестр, и устраивались танцы. Я поднялся на второй этаж и быстро отыскал Эльзу. Она была одна, без мужа. Она обрадовалась мне и помахала рукой, приглашая за свой столик. Её, сверкающие женским озорством, глаза излучали искренность и лукавство одновременно. Теперь мне стало всё понятно. Значит Мюллер больной, и поэтому я и не увидел на привычном месте его мерседеса, который всегда стоял возле клуба, на противоположной стороне улицы. Эльза находилась в обществе адъютанта и двух незнакомых мне полковников. Мы станцевали с Эльзой два фокстрота и танго. Она хотела еще танцевать, но я, на правах знакомого генерала, предложил ей вместе поехать домой. Со своим заместителем мы обсудили в перерыве между танцами план радиопередачи шифровки из дома генерала. После одного пикника я был в их доме и знал расположение помещений. У генерала была высокая температура, и я предложил Эльзе привезти из госпиталя врача. Она не возражала. Пока мой водитель ездил за врачом, а Эльза находилась на втором этаже рядом с больным, я воспользовался туалетом, располагавшимся на первом этаже под лестницей. Место было укромное. Я тихо зашел в туалет и закрылся изнутри. Мне удалось быстро связаться с Центром. Я передал информацию о готовящейся бактериологической диверсии и о поездках Бизанца и Мюллера в Берлин. Также сообщил о том, что в обрывках фраз Бизанца прозвучала информация о намечающемся перемирии Германии с Англией и Америкой. У меня была ещё минута, и я решил пожаловаться на судьбу. Я передал им в Центр, что красавица Эльза просится ко мне в постель. Они потребовали, чтобы я и не мечтал об этом, но женщину не бросал. «После войны мы тебе выделим целый гарем!» Вот такая была шуточка. На этом сеанс связи закончился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.